

**Александр ВОЛКОВ,
Вениамин СЛЕПКОВ**

г. Петрозаводск

Александр Волков:

«Моя главная задача – сохранение карельского языка»

С Александром Лукичом Волковым беседовал журналист Вениамин Слепков

**Александр Лукич Волков
родился в 1928 году,
долгое время его работа была далека
от литературного творчества.
Но в 1993 году, когда вышла первая книга
«Маленькая Дессойла»
(Дессойла – карельское название
родной деревни А. Волкова Эссойлы),
стало ясно, что в Карелии
появился новый яркий поэт.
К настоящему времени он выпустил
более десятка книг,
его произведения переведены
на языки многих народов, публикуются
в России и за рубежом.
О том, почему он занялся поэзией,
какие задачи ставит перед собой как поэт,
мы предложили рассказать ему самому.**

**– Александр Лукич, Вас называют поэтом
позднего дебюта, вместе с тем Вы писали
стихи и в юности. Почему так поздно вышла
первая книга?**

– То, что было в юности, нельзя назвать литературой, стихотворения публиковались в стенгазетах, но я не думал о том, что буду серьезно заниматься поэзией. У меня была профессия, была серьезная работа, при которой невозможно было заниматься творчеством. Мне было 62 года, когда я ушел на пенсию с поста генерального директора «Кареллесторга» и заместителя генерального директора «Кареллеспрома». Что такое «Кареллеспром» в то время, объяснять не нужно. 60 процентов экономики республики обеспечивал лесной комплекс. У меня было сто десять тысяч человек, которых нужно было кормить, одевать, обувать, семь тысяч работало под моим началом. Двадцать восемь лет работы, два ордена, все возможные ведомственные награды... Когда развалился Советский Союз, многие мои молодые коллеги предлагали мне заниматься ком-

мерцией, используя возможности, которые давала рыночная экономика. Но я сказал: «Вы – новые русские, а я – старый карел. То, что вы предлагаете, – не мое».

Но любовь к литературе жила во мне все эти годы, правда, я не думал, что буду заниматься литературой профессионально. Это произошло почти случайно. Однажды, на одном празднике, где собралось немало школьных учителей, я прочел стихотворение Николая Рубцова. Меня выслушали и сказали: «А по-карельски так не скажешь!» Но тут же у меня сложился перевод этого стихотворения на карельский язык. Думаю, что интерес к родному языку, желание сохранить язык, желание слышать в Карелии живую карельскую речь и подтолкнули меня к литературе. И первые стихотворения я писал в защиту родного языка. Ведь на тот момент у нас практически не было поэтов, пишущих на карельском.

– Известно имя Владимира Брендоева...

– Брендоев сделал великое дело! С 1940 года до начала 90-х всего вышло несколько стихотворений Брендоева и Пааво Лукина. Говорят, Брендоев был первый, но это не так. В период, когда мало кому из литераторов карельский язык был интересен, он показал, что язык жив, что на нем можно писать замечательные стихотворения. Но у него были предшественники. Тот же Лукин начал писать раньше, хоть и не оставил обширного литературного наследия. Еще раньше был Александр Кириллов, который вместе с Ялмари Виртаненом организовывал Союз писателей в Карелии. В 1934 году он стал лауреатом премии за повесть, написанную на карельском. Кириллов не только писал сам, но и переводил на карельский такие крупные произведения, как, например, роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Федор Исаков, писавший на карельском, был ответственным секретарем журнала «Карелия». Исаков был первым карелом-ливвиком, ставшим членом Союза писателей СССР. Он погиб под Таллином... Потребовалось много времени, чтобы разыскать информацию об этих и других карельских литераторах. Например, о Кириллове почему-то говорили, что его расстреляли большевики в период репрессий. Но это не так, я обнаружил, что батальонный комиссар Александр Кириллов погиб под Ленинградом в боях за Советскую Родину.

– Но репрессии все же коснулись карельских литераторов?

– Не только литераторов. Мне удалось в архивах

ФСБ познакомиться с делом, заведенным на моего отца. Главное обвинение, которое ему предъявили, – замышлял убийство товарища Сталина. Крестьянин, который железной дороги никогда не видел! Отца расстреляли. И об этом я стал писать, так постепенно сложился первый сборник – «Маленькая Дессойла», он вышел на русском языке, а затем на карельском.

– Вы пишете на русском, а потом на карельский переводите, или наоборот?

– И так, и так, это называется билингвизм. Не всегда сам перевожу, многие стихотворения на русский перевели Андрей Расторгуев, Армас Мишин, Олег Мошников.

– А если предложат определить, Вы – русский поэт или карельский, как ответите?

– Я – карельский поэт, пишущий, в том числе, на русском языке.

– Кого Вы считаете своими учителями в поэзии?

– Карл Маркс говорил: «Массы учатся на собственном опыте». Так и я. Письменность на карельском существовала давно. Найдены, например, берестяные грамотки с карельским текстом. Потом, через несколько столетий, в начале XIX века появились переводные «Евангелия», а в 1930-е годы карельская литература бурно развивалась. Появились сразу несколько десятков оригинальных хороших произведений, сотни переводов, начиная со сказок Пушкина. Учиться можно было только у тех, кто писал в те годы, но зачастую они сами были самоучками.

Мы с поэтом Армасом Мишиным составили антологию произведений современных литераторов, которые пишут на карельском. В нее вошли произведения двадцати пяти поэтов и прозаиков. Кроме того, создали антологию, которую составили произведения почти семидесяти писателей, начиная с Мирона Смирнова – моего земляка-сямозерца, писавшего в начале XIX века, и заканчивая современными авторами. Из этих авторов 18 были или являются членами союзов писателей. А говорят, карельской литературы нет! Как же нет – вот она. Но одни погибли на войне, иных расстреляли в годы репрессий. Вот эта расстрелянная, погибшая в репрессиях и войнах литература заставила меня искать, кто может сейчас писать на карельском. Отсюда антологии, отсюда создание литературного объединения «Karjalaine sana» («Карельское слово»). Я уверен, карельская литература была, есть, имеет шансы и право на будущее.

– Но Вы не только много внимания уделяете поэтам, пишущим на карельском, не только разыскиваете и возвращаете предшественников, но и активно занимаетесь переводами русской поэзии.

– Да, желая показать, что на карельском языке можно выражать самые различные оттенки чувств, адекватно отображать самые яркие образы, я перевел на карельский стихи семидесяти русских поэтов от Державина до Беллы Ахмадулиной. Эти переводы составили книгу «Сердце брата».

– А своим главным произведением что считаете?

– «Слово о ливах». Ливы – это некогда мощный прибалтийско-финский народ, живший в Латвии, на юге Эстонии. Папа Римский специально создал Тевтонский орден, чтобы обратить их в католичество. История обошлась с этим народом неласково. Часть ливов осталась на исконно занимаемых землях, часть мигрировала. По морю до Карельского перешейка всего-то три сотни километров. Я считаю, что ливы стали прародителями карелов-ливвиков. Многие слова ливского языка вошли в карельский. У них была мощная культура.

Не исключаю, что и «Калевала» имеет корни на юге, в среде ливов и карелов-ливвиков. Руны «Калевалы» имеют ливскую метрику. Немало рун, аналогичных тем, что составили «Калевалу», известно на карельском языке. Просто Элиас Леннрот путешествовал по северу Карелии, где записывал руны на северо-карельском диалекте. Леннрот считал его диалектом финского языка.

Вот этому народу и посвящено «Слово о ливах». К тому времени, когда я начал писать, лишь два десятка человек говорили на ливском, а на всем земном шаре всего двести человек называли себя ливами. К сожалению, до недавнего времени мы были мало обеспокоены исчезновением народов. Стоит сократиться популяции какого-либо редкого вида журавля, ученые всего мира бьют в колокола. А исчезают целые народы – и ничего!

– Но, может быть, именно поэтому наблюдаются центристские тенденции в национальной политике разных стран. Скажем, финно-угорский мир явно демонстрирует стремление к объединению. Можете ли Вы сказать, что для Вас очевидно существование единого литературного финно-угорского пространства?

– Да, о таком пространстве можно говорить. Нас связывает язык, без которого не может существовать литература. Поэтому меня радует, что и венгерские, и эстонские, и финские литера-

торы, и литераторы, живущие на территории России и пишущие на финно-угорских языках, стремятся к сближению, активно занимаются переводами произведений родственных народов на свои языки, ведь переводы обогащают язык, помогают его развитию. Кстати, летом этого года в финском городе Оулу состоится конгресс финно-угорских писателей, темой обсуждения которого станет, в частности, художественный перевод.

– А сами Вы, занимаясь переводами, к чему стремитесь?

– Я хочу передать ритмический рисунок стихотворения, рифму, размер. Я не приветствую тенденции, появившиеся в последнее время, когда рифмованные стихотворения переводятся белым стихом. Мне кажется, переводчик должен больше внимания уделять тому, чтобы передать замысел автора, хоть это и требует серьезной работы. Скажем, если я перевожу стихотворения, ставшие песнями на русском языке, на карельском они звучат так же мелодично – их можно петь.

– Александр Лукич, а Ваши стихотворения переведены на многие языки?

– Да, «Слово о ливах», например, вышло в переводах уже на пятнадцать языков. И на шестнадцатый – язык музыки. Композитор Александр Белобородов написал на мои слова ораторию «Песнь о ливах». Переводятся и другие стихотворения, они публиковались в журналах и сборниках в Финляндии, Венгрии, в Таллине вышла книга моих избранных стихотворений «Поздняя осень» на эстонском языке.

– Эта книга вышла после того, как в Ханты-Мансийске на конгрессе финно-угорских народов Вы общались с президентом Эстонии. А кроме того, Вы беседовали и с президентом Финляндии... О чем?

– Когда мне задают этот вопрос, я отвечаю: «О любви!»

– О любви к чему?

– Конечно, разговор шел о том, как могут разные страны финно-угорского мира помогать друг другу, совместно развивать литературу. С президентом Финляндии Тарьей Халонен мне приходилось беседовать не раз. Не исключаю, что есть заслуга и финно-угорских писателей в том, что в прошлом году карельский язык в Финляндии получил официальный статус языка меньшинства. В университете Йозенсуу открылась кафедра карельского языка.

Наши языки нуждаются в защите и развитии. Не-

обходимо знакомить с литературой, создаваемой на них, и другие страны. Поэтому я предложил выпустить сборник стихотворений финно-угорских поэтов на основных европейских языках: английском, немецком, французском.

– Александр Лукич, мне кажется, что интерес к языкам малых народов, стремление к национальной самоидентификации представителей этих народов во многом явилось ответом на процессы глобализации, поражающие мир. Достаточно сказать, что в той же Финляндии английский столь популярен, что можно, не зная ни слова по-фински, путешествовать по этой стране. Вы ощущаете опасность, которая грозит языкам малых народов?

– Я боюсь, что через сотню лет в мире будет два языка – английский и китайский. Такие настроения разделяют в финно-угорском мире, в том числе и в Финляндии. Именно поэтому перед нами стоит задача развивать язык, создавать на нем стихи и прозу, искать талантливых людей, которые могли бы писать на карельском. Мы должны сохранять язык как можно дольше, чтобы из-за нашего молчания он не погиб, не пропал. В этом я вижу свою главную задачу.

Александр Лукич ВОЛКОВ

родился в 1928 году

в деревне Эссойла в Карелии.

Автор десятков статей

в защиту карельского языка

и книг «Маленькая Дессойла» (1993 г.),

«Pieni Dessoilu» (1997 г.), «Вечный огонь» (2000 г.),

«Vellen suvājn» (2001 г.),

«Поздняя осень» (2003 г.),

«Järvet Karjalan» (2003 г.),

«Слово о ливах» (2004 г.),

«Hiielissügis» (2009 г., Таллин) и других.

Один из составителей

антологии финно-угорской поэзии

«От Югры до Балатона».

Член Союза писателей России.

Заслуженный работник культуры

Республики Карелия.

Лауреат премии «Сампо» (2007 г.)

Живет в Петрозаводске.

Александр ВОЛКОВ

МАЛЕНЬКАЯ ДЕССОЙЛА*

Маленькая Дессойла –
тридцать три двора,
почему невесела
наша детвора?

Маленькая Дессойла –
озеро да лес,
почему невесты все
постарели здесь?

Маленькая Дессойла,
где же старики?
Помнишь, в ночь осеннюю
их «уволокли»?

Маленькая Дессойла,
не ответишь ты:
где, под чьими песнями
преют их кресты?

Тот, что видел в детстве я, –
где на церкви крест?
Языка карельского
не слышать окрест.

Маленькая Дессойла,
чьи могилы где –
знает, да «не ведает»
лишь НКВД.

Растеряла Дессойла
без могил, без слов,
без вины да без вести –
тридцать мужиков!

Маленькая Дессойла
ныне разрослась,
и не вспомнит Дессойла
их... А может, нас?

1992, Эссойла

* *с. Эссойла в Пряжинском районе РК.*

КАРЕЛЬСКАЯ БАНЯ

Знойный выдался полдень,
вот и лета верхушка...
Пел кулик на болоте,
и гудела вертушка.
Ходят по ветру гуды,
по вершинам деревьев!
Живы будем, покуда
топят бани в деревне.

Государыня баня,
печка, жаркие доски!
Деревянная память —
добрый ковшик отцовский
плещет воду на камни,
чистой мажется сажей.
Эта ноша легка мне
так, что в ухарском раже,
приглядевшись, где сухо,
где пожарче приметив,
ухну ковшик для духа
и второй раз, и третий!

Взялся веник за дело,
жарит свежая вязка.
Будто молодо тело,
будто дивная сказка
в молоке, кипятке ли
дарит прежние силы!..
В холодке закипели,
затуманились ивы.
И вечерней прохладой
мир потешится древний,
мир, что держится ладом,
банным духом деревни.

Перевод О.Мошникова

ДЕДОВА ПРИСТАНЬ

Забыта винтовка
и порваны сети.
Лишь волны да лодка —
одна в целом свете.
Торопится ковшик:
воды по лодыжки.
И опытный кормщик
не ждет передышки...

Но северный ветер
мне даже в подмогу —
он к бухте заветной
укажет дорогу.
Там дедова пристань —
булыга на глыбе —
и ныне, и присно
противится глыби.
Там ладит народ
огород под картошку.
Там бабушка ждет
рыбака у окошка.

И теплая печь.
И тесовая крыша.
И мамина речь,
что по-прежнему слышу.

Перевод А.Расторгуева

* * *

На перевода хрупких рельсах
язык наш чудеса творит:
звучит Державин на карельском,
сам Пушкин с нами говорит.

Расскажет детям Маяковский —
как «хорошо», как «плохо» жить,
могилы братские Высоцкий
слезой поможет окропить.

И оживут в душе карела
Есенин, Блок и Гумилев...
Пока свеча не догорела!
На всех в карельском хватит слов.

МАМИН ПИРОГ

Теплой горницы свет
сквозь метель моих лет:
снег с мукою... но перышком легким
мажет мама пирог.
Месяц маслом истек
за окошком морозным и звонким.

Был я молод и рьян!
Но куда бы ни зван,
тосковал на пирушках невольно:
в чаше поданный мед
руки холодом жжет...
Звон фужеров, что звон колокольный.

Я весь мир облетел
и себя не жалел,
не искал только родины малой:
здесь дыханье снегов,
сладкий дух пирогов,
режет хрусткую корочку мама.

Перевод О.Мошников

ГДЕ ИДУ СТОРОНОЙ?

*Ивану Тимофеевичу Дорофееву
(д.Руга)*

Муравейником город –
лабиринтом дома.
Да, уеду я скоро
далеко, в глухомань,
где морошка да клюква,
где груздевый отрог,
где до боли уютно,
в черной бане парок,
где над рыбьей тропею
ветры клонят тростник,
где вечерней порою
льется сказки родник,
где, забыв все на свете,
я сроднился с водой,
и землю, и летом,
и вечерней звездой.
Я лишь там понимаю:
чем мне город родной,
где по жизни шагаю, –
где иду стороной.

1977, д.Руга

СТАРИК

Старик один на даче,
С собою говорит,
Но мир живет иначе,
И небо голосит:
Вставай, старик, с рассветом
И солнышко встречай
Молитвой и приветом,
Потом заваришь чай.

А днем снастями лодку,
Как лошадь, оседлай,
Про рыбку и погоду
С волною поболтай.

Вернись в свою избушку,
Коту плотичек дай,
Сваргань двойную ушку
И дню хвалу воздай.

Глядишь, уже и вечер,
Ты солнце проводи.
Не зажигай зря свечек,
В потемках посиди.

Наверно, вспомнишь юность
И первую любовь,
Которая вернулась
Во сне красивом вновь.

Как молодыми были,
Мечтали о большом
И водочки попили
За праздничным столом.

Бывали дни удачи,
Водилась и беда,
С друзьями незадача
Случалась иногда....

Все было, но ведь жили,
Не жалуясь на жизнь,
Что б там ни говорили -
Держись, старик!
Держись!